

Криминальный роман:
любовь и преступление

Галина Романова

МУЖЕЙ МНОГО
НЕ БЫВАЕТ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Мужей много не бывает : [роман] / Галина Романова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204637-7

Виолетту преследуют несчастья: первый муж умер от сердечного приступа, второй погиб от взрыва бытового газа. Спасает от депрессии только любимое занятие — Виолетта пишет книги. Вот и сейчас в самом разгаре работа над новым романом, в центре которого — история жизни и смерти ее второго мужа. Именно книга поможет понять, что в его гибели много неясного...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204637-7

© Романова Г.В., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ I

Глава 1

Семен Незнамов появился в моей жизни не вдруг и не сразу. Как говорится, сначала было слово...

— Девушка, у вас свободно? — Обворожительно улыбаясь, высокий молодой человек стоял возле моего столика в рабочей столовой и в нетерпении подрыгивал левой ногой. Такое нетерпение было вполне объяснимо, так как тонкий пластиковый поднос в его руках прогибался под тяжестью тарелок.

— Пожалуйста, пожалуйста, — последовало мое меланхоличное. — Свободны аж все три места.

Он поблагодарил меня кивком головы и с облегчением обрушил поднос на стол.

Так, так, так... Не знаю, как насчет других достоинств, но отсутствием аппетита молодой человек явно не страдал. Двойной борщ. Салат. Картофельное пюре с парой бифштексов. Стакан сметаны. Три сырника. Стакан кофе и булочка, размерами своими сильно смахивающая на половинку обычного батона.

Парень ловко освободил поднос от тарелок и, сунув его в руки проворной уборщицы, пододвинул к себе тарелку с салатом. Пара минут — тарелка пуста. Столь же быстро были поглощены и все остальные блюда комплексного обеда. Одним словом, пока я уныло ковыряла вилкой в гречке с малюсенькими кусочками мяса, гордо именуемыми «гуляшом по-столичному», молодой человек все съел.

— Нет аппетита? — сочувственно поинтересовался он, откусывая булочку и запивая ее кофе. — Бывает... А готовят, кстати сказать, совсем неплохо. По роду своей деятельности часто в разъездах, есть с чем сравнить. Кухня хорошая...

Пока он с набитым ртом пытался пробудить у меня хоть какой-нибудь интерес к содержимому моих тарелок, которое осталось почти не тронутым, я принялась внимательно рассматривать парня.

На вид ему было лет тридцать, может, чуть больше. Высокий. Гибкий. Плечи в меру широкие. Руки под короткими рукавами легкой рубашки мускулистые. Обычное лицо с выдающимся подбородком, раздвоенным ямочкой. Многие дамы считают это признаком мужественности и сексуальности. Я же считаю такой подбородок свидетельством ослиного упрямства и непомерных амбиций. Губы яркие и капризно изогнутые, что опять-таки подтверждало мое мнение об очевидной настырности данного типажа. Нос с едва заметной горбинкой. Такой, знаете ли, голливудский профиль, вдохновляющий некоторых особ на романтические грезы о соответствии подобного размера носа некоторым параметрам других мужских достоинств. Ошибочное, скажу я вам, утверждение, не нашедшее подтверждения в широких массах. Глаза темные. В точности рассмотреть их цвет мне не удавалось, так как пристальное внимание с моей стороны могло быть истолковано превратно, но то, что взгляд их был добрым, меня приятно удивило.

Позднее, вспоминая эти первые минуты нашей встречи, я долго пыталась понять, чем же все-таки взял меня этот парень? Чем сумел так приворожить? И ответ в конечном итоге сводился всегда к одно-

му — секрет заключался в его глазах. И даже не столько сами глаза, сколько этот его взгляд. Этакая смесь снисходительного понимания и безграничной сердечности... Она мгновенно западала в душу. Она переворачивала там все, вызывая трепетное желание прильнуть к его надежному плечу и крепко зажмуриться. И ведь плечо его отчего-то сразу стало казаться надежным. И руки сильными и верными...

Любовь с первого взгляда, скажете вы — и ошибетесь. Нет, не было никакой любви ни с первого, ни со второго взгляда. А вот желание довериться ему — да! Оно рождалось где-то в области сердца, приятно расслабляя и отпуская вожжи природной настороженности. Все недоверие, выкормленное и выпестованное годами, начало плавиться и испаряться под его взглядом. Дышать вдруг стало легко, а ведь каких-то пять-десять минут назад горький удушающий комок стоял в горле. Помещение заводской столовой перестало казаться душным и смрадным, я начала улавливать приятные запахи свежеспеченной сдобы и кофе. Гомон посетителей перестал раздражать, а губы отчего-то упорно не хотели складываться в горестную скобку, растягиваясь в глупой (как мне тогда казалось) улыбке.

— У вас что-то случилось...

Он не спросил, нет. Он сказал это с твердой уверенностью, будто всю жизнь только тем и занимался, что отлавливал дамочек вроде меня и ставил им диагноз: глупая гусыня, неудачница с непомерной тяжестью на сердце от чужого предательства. И хотя предательство по отношению ко мне на сей раз совершил не человек, а судьба-разлучница, сделавшая меня в одночасье вдовой, я все равно чувствовала себя обманутой.

— Мой муж...

Голос мой предательски дрогнул при этих словах, я была не в силах закончить фразу, словно давая возможность этому милому молодому человеку поупражняться в проникательности. Он не подвел и на сей раз.

— Он умер?

Не бросил, не предал, не изменил. Он не предположил ничего из перечисленного. Просто и кратко: умер, и все. Полувопрос, полуутверждение с сочувственным покачиванием головой и скорбным светом, льющимся из темно-зеленых глаз (мне все же удалось рассмотреть их оттенок).

Я подтверждающе кивнула, и горестный комок вновь возник у меня в горле. Почти тут же вилка выпала из моих ослабевших пальцев, тихонько звякнув о столешницу. И тут же мою руку накрыли его пальцы.

Господи, что за наваждение?! Пальцы как пальцы, не длинные и не короткие. Одним словом, самые обычные. С крепкими розовыми ногтями, подстриженными, может быть, излишне коротко. Ничего же особенного не было в его руках. Отчего же так мгновенно потеплело на душе?! Откуда это неповторимое ощущение покоя?!

«Парень обладает даром воздействия на психику! Очнись! Идиотка! — опасливо заворочалась в моей голове природная осторожность. Я попыталась вернуться в уже привычное состояние скорбящей вдовы. — Сейчас же уברי руку со стола и беги отсюда!»

Ага, как же! Моя осмотрительность в вопросах знакомства с представителями противоположного пола, предательски вильнув хвостом, ускакала в неизвестном направлении и бесследно исчезла. Начни он сейчас выворачивать мне душу вопросами, вызы-

вать на откровение, я без зазрения совести вытряхнула бы ему все без утайки. Но мальчик — надо отдать ему должное — расходовал свой дар весьма разумно. Легонько сжав пару раз мою онемевшую кисть, он убрал руку и, слегка дернув уголками губ в подобии улыбки, успокаивающе промолвил:

— У вас все будет хорошо!

— Правда? — недоверчиво приподняла я брови, внутренне прислушиваясь к тому, с каким оглушительным звоном вдребезги разлетается неповторимая атмосфера гипнотического оцепенения.

— Вот увидите! — Он многообещающе улыбнулся. — Может быть, сначала будет еще хуже, чем сейчас, но потом... Потом все будет просто отлично! Вы будете очень счастливы!!!

Ответить ему что-либо я не успела. Входная дверь распахнулась, впуская в столовую молоденькую девушку. Длинные стройные ножки, едва прикрытые коротюсенькой юбочкой. Высокая грудь, натянувшая до невозможности трикотаж малюсенькой маечки. Длинные гладкие волосы цвета льна, с короткой челкой над небесно-голубыми, распахнутыми навстречу всему живому глазами. Глаза ее заматались по залу столовой. Было ясно как божий день, что она кого-то ищет, поскольку внешность ее совершенно не вязалась с атмосферой этого обеденного зала.

Наконец взгляд ее остановился на парне, сидевшем напротив меня и так же, как и я, внимательно смотревшем на вошедшую нимфу. Они узнав друг друга. И, забыв обо всем, а обо мне в первую очередь, молодой человек кинулся ей навстречу. Девушка тут же вскинула руки ему на плечи, припечаталась к его щеке поцелуем, и, впус-

тив в душноватую атмосферу рабочей столовки струю ароматного майского воздуха, они скрылись за дверью.

Я легонько потрогала кончик своего носа, пытаюсь угадать: остался ли на нем след от осязаемого шелчка, что с насмешкой отвесила мне гадюка-судьба, и, подхватив свою плетеную сумочку, поволокалась к выходу.

Пряный воздух жаркого майского дня обволакивал ароматом цветущих садов, делая течение мыслей вялым и податливым. Они плавно блуждали по извилинам, пробуждая совершенно ненужные и неуместные в данной жизненной ситуации фантазии. Они будоражили, тревожили, теребили запретное. Спротивляться этим незримым миражам сил не было, а они все разрастались и множились, заставляя сердце трепыхаться пойманной птицей. Кончилось это тем, что, вернувшись домой и с силой захлопнув за собой входную дверь, я упала ничком на бывшее когда-то супружеским ложе и разразилась горькими слезами. Определить природу своих слез я, правда, затруднялась, хотя и тарашилась дольше обычного на фотографию покойного супруга, висевшую на стене напротив. И если раньше (буквально вчерашним вечером) его печальная полуулыбка, выхваченная маститым фотографом, перехватывала мне дыхание, то сейчас удушье вызывали иные причины.

Мне потребовался весь остаток дня и добрая половина ночи, чтобы, не кривя душой, признаться-таки самой себе: причина моего неумного горя в нем. В том самом молодом незнакомце, что так необдуманно пообещал мне счастливое существование в будущем. И если уж быть до конца откровенной, то

не в нем, а в том, что он не был рядом со мной. И вот как только эта самая мысль посетила меня, я поняла, что лишилась покоя основательно и надолго...

Глава 2

— Родная моя, — ласково шептал мне кто-то голосом покойного мужа. — Ты поспи немного, а через пару дней мы сядем с тобой на самолет и улетим далеко-далеко. Там нас с тобой никто не достанет. Мы будем удить рыбу. Ходить по утренней и вечерней росе босиком и питаться ягодами и сладкими кореньями. Мы будем любить друг друга с неистовством и бесстыдством первобытных. Иди ко мне, мой славный человечек.

Я протянула навстречу ему руки и... едва не грохнулась с кровати.

Боже! Это был сон! Это был всего лишь сон, который повторялся последние одиннадцать месяцев с изматывающим душу постоянством. И что самое главное, эти слова были им произнесены на самом деле незадолго до смерти. Это не был вымысел моего ошалевшего от горя сознания. Мы ведь на самом деле собирались лететь с ним на юг. Был у него друг или родственник его друга (не помню точно), имеющий хижину где-то в горах. Он частенько сдавал ее людям, которые вроде нас с супругом устали от городской сутолоки и постоянного присутствия огромного количества людей в их жизни.

Отдых не получился.

Меня закрутили дела текущие, и супругу пришлось лететь одному. Провожая его в аэропорт, я нетерпеливо поглядывала на часы, боясь пропустить

внеочередное совещание у генерального спонсора моего рискованного проекта. Аркаша заметил мое нетерпение и с плохо скрытой обидой пробормотал тогда:

— Ладно, поезжай на свое совещание. Дела бездомных ребятишек куда важнее, чем я...

— Ну что ты, милый!!! Как ты можешь?! Ты же знаешь, что это не так!!!

Мое возмущение было совершенно непритворным, и он тут же уловил это. Бережно взял мое лицо в свои ладони. Пристально, пожалуй, даже слишком пристально рассматривал его несколько минут и, нежно приложившись губами к моим губам, прошептал:

— Ты такая красавица у меня... Просто страшно оставлять тебя здесь одну...

— Я прилечу к тебе при первой возможности, Аркаша! — пообещала я, в глубине души проклиная одного из местных нуворишей, вдруг решившего прервать свой отдых в Ницце и вплотную заняться благотворительностью, сократив время своих раздумий аж на целый месяц. — Как только что-то прояснится, я тут же...

— Витуля, детка, ты же знаешь, что этого не будет. — Аркаша осторожно поглаживал мой левый висок большим пальцем правой руки. — Ты сейчас окунешься в дела с головой. Ты будешь землю рыть, лишь бы оттяпать у этого мецената кусочек побольше. Мне ли не знать, как ты болеешь душой за малолетних наркоманов, бродяг и прочих отщепенцев.

Он тяжело вздохнул, ожидая моего возмущенного возгласа по поводу столь нелестной характеристики моих подопечных. Но я промолчала. Его печаль была столь очевидна, столь неприкрыта, что вменять

ему в вину этот всплеск ревности мне не захотелось. Я просто обняла его покрепче, поцеловала и, как только объявили посадку, легонько подтолкнула:

— Иди уже, а я следом. Обещаю вылететь через неделю. Что бы ни случилось, я прилечу. И все будет так, как ты говорил: и рыбалка, и прогулка босиком по росе, и наша с тобой любовь. Ступай, милый, ступай.

— Обещаешь? — Он недоверчиво обернулся, остановившись на полдороге. — Через неделю?

— Через неделю...

Я вылетела ровно через семь дней, но не потому, что освободилась-таки наконец и сумела выцарапать из плотного рабочего графика время для отдыха. Нет. Я летела для того, чтобы забрать тело моего мужа, который скоропостижно скончался от инфаркта.

Проанализировать сейчас, что я чувствовала тогда, я бы не смогла, даже если бы очень захотела. Нескончаемая вереница автобусов, машин, людей. Объятия друзей, их скорбные слова, сочувственные приветствия, нелепые вопросы на тему «как это могло случиться».

Боже, я думала, что это никогда не закончится. Что этот кошмар, начавшийся ранним утром страшной телеграммой, будет продолжаться вечно. Что все эти люди, плотным кольцом обступившие меня в те дни, наивно полагая, что так для меня будет лучше, никогда не оставят меня одну. Не дадут остаться наедине с моим горем.

Вот тут я заблуждалась вторично. Толпа друзей схлынула сразу после поминального обеда в день похорон, решив, что все приличия соблюдены и пора бы, как это говорится, и честь знать. Еще через три

дня разъехались все близкие и дальние родственники, и я осталась в огромной пустой квартире совершенно одна...

Печально вздохнув, я откинула край стеганого атласного одеяла и нехотя сползла с кровати. Огромное зеркало, занимавшее двухметровое пространство между окном и дверью, тут же услужливо представило мне отражение моей помятой физиономии с темными полукружьями под глазами. Спутавшиеся волосы тусклыми прядями рассыпаны по плечам. В глазах пустота, взгляд начисто лишен даже признаков выражения. Губы почти бесцветные. Руки слегка подрагивают. Ноги с трудом ступают по ковру — следствие вчерашней пешей прогулки в туфлях на высоких каблуках.

И-да, мать... Это тебе не восемнадцать и даже не двадцать пять... Это уже почти на десяток выше...

Как-то некстати в памяти всплыл облик вчерашней белокурой нимфы, вся внешность которой даже не кричала, а просто вопила о молодости и здоровье. Казалось, ткни ее пальцем, и тут же брызнет живительный эликсир этой самой молодости, за которым и стар и млад готовы лететь сломя голову. Стоило мыслям вильнуть на эту запретную стезю, как перед глазами возникло лицо ее спутника.

Интересно, как его зовут? И сколько же на самом деле ему лет? И неплохо бы узнать, чем он занимается. Что-то такое он говорил о вечных разъездах... Может быть, стоит позвонить Лидке и поспрашивать? Неспроста же он околачивался в этой столовке. Туда не каждый приезжающий в город спешит попасть, а попадают обычно те, кто в силу своей про-

фессиональной деятельности пересекается с этим заводом, где уже двадцать лет изготавливают керамическую посуду. Кстати, не такого уж плохого качества и совсем недорогою.

Меня так вот просто нужда туда всякий раз загоняла. Нашему реабилитационному центру позарез была нужна новая посуда, потому как мои подопечные были людьми импульсивными и неосторожными, и первое, что страдало в момент их разгоряченных дебатов, была, конечно же, посуда. Покупать посуду в магазине — слишком дорого, а на заводе тарелки с кружками мне отдавали почти даром. То у них там случался брак, то какая-нибудь уценка, то просто невыполнение плана поставок, и сбытовики рассовывали свою продукцию направо и налево.

Одним из таких инициативных сотрудников, быстро скользнувших на новые рельсы современного хозяйствования, и являлась моя давняя подруга. Полная невысокая хохотушка Лида, одевающаяся в немыслимых размеров старомодные блузки, располагала к себе с первой минуты. Со второй вы были готовы посвятить ее во все свои тайны, включая периоды овуляции и сексуальной холодности вашей супружеской половины. С третьей вам начинало казаться, что эту женщину вы знали всю свою жизнь. Ну, а на четвертой вам неизменно хотелось поскорее избавиться от ее назойливого присутствия. Именно этот последний фактор и мешал мне осуществить почти созревшую идею расспросить Лидку о незнакомце. Но колебания колебаниями, а рука сама собой уже снимала телефонную трубку и привычно набирала нужный номер.

— Отдел сбыта акционерного общества «Керамика», — пропел мелодичный Лидкин голосок, по кото-

рому никогда не заподозришь, что в его обладательнице сто двадцать килограммов живого веса. — Слушаю вас...

— Привет, Лидуш, это я.

Она привычно ахнула и, тут же переключив телефон на другую линию, принялась нести положенный светский бред о здоровье, природе и погоде, которая просто шепчет... и так далее. Когда весь ее обязательный словесный приветственный запас поиссяк, она добавила интригующих ноток в голос, сделав его на редкость сексуальным (вот уж кому работать на линии сексуальных услуг по телефону, так это ей, ей-богу!), и тихо пробормотала:

— Ваша загадочная персона, уважаемая, была вчера замечена в непосредственной близости от одного молодого интересного... Ну что «Лидия Анатольевна»?! Что?! Ни одного горшка продать не можете без меня, елки-палки!.. Витуля, я тебе перезвоню.

Она отключилась, оставив меня сидеть в кресле с горящими щеками и растревоженным любопытством. Вот тебе раз... Оказывается, я поторопилась со звонком. Лидия и сама бы созрела через час-другой, а теперь нужно высасывать из пальца причину своего утреннего вмешательства в ее напряженный рабочий ритм. Ежели такое раньше и случалось, то по очень уж важной причине, а тут...

Но Лидка, как оказалось, пропустила сей факт мимо сознания, заиклившись на моем вчерашнем собеседнике.

— О чем вы разговаривали? Он так мило тебе улыбался, дорогая!.. Я бы на твоём месте...

И так далее и тому подобное. Из каждого ее слова сочилось неумное любопытство и искреннее жела-

ние спарить меня хоть с кем-то, лишь бы избавиться от бессмысленного прозябания в одиночестве.

— Ну?! — требовательно воскликнула она минут через десять. — Чего притихла?! Ты вообще слушала меня или нет?!

— Слушала, конечно, — с легким смешком ответила я. — Но мало что поняла.

— Нормально, нет?! — возмущенно фыркнула подруга. — Я для кого тут распиналась десять минут кряду? Ты хоть поняла, какая рыба тебе в сети идет?

— Хочу внести ясность, Лидок, — как можно строже вторглась я в ее возмущенный лепет. — Во-первых, никто никаких сетей не расставлял. Во-вторых...

Что могло быть «во-вторых», я никак не могла придумать, потому как молодой человек действительно обладал всеми достоинствами, необходимыми для того, чтобы скрасить чье-то одиночество.

Тридцати трех лет от роду, Незнамов Семен только что вернулся из длительных скитаний по странам дальнего зарубежья, имея вполне твердое намерение осесть на нашей грешной, но богатой талантами земле и обзавестись семейством. То ли ему достался в наследство дом, то ли квартира, я, если честно, из сбивчивого повествования Лидки не уловила. Но сведения о том, что молодой человек жилплощадью был обеспечен, сомнению не подлежали.

Вторым и совсем немаловажным фактором, идущим ему в актив, был тот, что Семен абсолютно не нуждался в средствах. Шикарная машина, за рулем которой он прибыл в наш город, и огромная фура с тремя контейнерами его вещей, следовавшая за его джипом, свидетельствовали о том, что парень упакован под завязку.

Ну и, наконец, последний и, пожалуй, самый весомый аргумент в его пользу — Семен Незнамов был дьявольски хорош собой. Он был не из тех красавцев, при виде которых останавливается дыхание и подкашиваются ноги, нет. Самые обычные, казалось бы, глаза, нос, рот, подбородок. Но вот обаяние этих самых глаз... н-да. Этим господь его не обделил, это точно. Сила его взгляда лишала воли и способности мыслить здраво. Звук его голоса убаюкивал, успокаивал, делая все происходящее несущественным. Что уж говорить о молодых наивных девчонках, если я сама — женщина с вполне уравновешенной психикой и здоровым цинизмом по отношению к жизни вообще, а к мужчинам в частности — после десятиминутного общения с ним вспылала нездоровыми фантазиями на тему: «Ах, что могло бы быть, если бы он?..»

— Что во-вторых? — вкрадчиво поинтересовалась Лидия, озабоченная продолжительностью паузы в телефонной трубке. — Ты не договорила, дорогая.

— Да ничего, Лид. Не знаю я, что во-вторых. Но умом чувствую, что от этого парня нужно держаться подальше.

— Умом? — недоверчиво хмыкнула все понимающая подруга. — А сердцем, Витуля? Как насчет твоего сердца?

Сердце...

Лично мне казалось, что оно разбилось вдребезги после смерти Аркаши. Разорвалось на тысячу мелких кусочков. Почти год у меня в груди не утихала шемящая боль от невозвратимой потери. И стоило ли сейчас, когда боль эта стала понемногу отпускать, пытаться подвергать измученное сердце новому испытанию?

— Витуля, — ласково пропела Лида, сильно чем-то загромыхав. Должно быть, от нетерпения она так ерзала на стуле, что страдалец не выдержал и разломился. — Ну чего ты? Боишься?

— Боюсь, Лида! Еще как боюсь! — еле слышно проворчала я, поражаясь собственной смелости. — К тому же этот мальчик был не один. Его увела молоденькая девчушка, и не думаю, что мои шансы...

— А вот тут ты ошиблась, дорогая! — победоносно воскликнула подруга, выдергивая козырной туз из рукава. — Стала бы я тебе голову морочить, кабы не его интерес к твоей персоне. Стоило ему обосноваться в своем кабинете... Кстати, я тебе еще не сказала, что он наш новый начальник отдела маркетинга? Так вот, стоило ему там обосноваться и перекинуться со мной парой неформальных предложений, как он тут же...

— Рассказывай! — возмущенно перебила я ее. — Зная тебя, нетрудно предположить, что ты сама подвела его к этой теме! Лидка, признавайся!

— Ну ладно, ладно, каюсь. Был такой шкурный скачок в разговоре с моей стороны, был. Но он сам мгновенно так оживился!.. Принялся выпрашивать о тебе. А под занавес попросил познакомить вас поближе. Представляешь?!

— Нет! — выдохнула я испуганно и положила трубку.

Этого я не представляла. Ну... может быть, самую малость. На том безобидном уровне, из которого ничто и никогда не должно проистекать или повлечь за собой нечто обязывающее.

— Бред! — остановила я себя, не желая кривить душой. — Полнейший бред! Признайся наконец, что

ты хочешь этого молодого человека, как никого и никогда не желала!

И вот стоило мне произнести это вслух, как ход моих мыслей упорядочился и я пришла к неожиданному заключению: кажется, я влюбилась.

Влюбилась осознанно, серьезно и, как мне тогда казалось, на всю жизнь. А поскольку интерес к моей персоне у Незнамова все же присутствовал (если верить словам все той же Лидии), то пытаться задушить в себе столь неожиданно вспыхнувшее чувство я поостереглась.

«Пусть будет так, — решила я с каким-то непонятным трепетным душевным беспокойством, от которого мне вдруг захотелось загорлопанить во всю силу легких. — Пусть это все же свершится! Время покажет...»

Как оказалось впоследствии, временем Незнамов очень дорожил и тратить попусту его не собирался, о чем мне прямо и заявил уже при третьей нашей встрече.

Проходила она, как и две предыдущие, при огромном скоплении народа, то бишь в директорском кабинете их славного предприятия под названием «Керамика». И встреча эта именовалась не как-нибудь, а совещанием по решению вопросов, касающихся спонсорской поддержки нашему реабилитационному центру. Мы, как и в первых двух случаях, сидели с ним рядом. И фразы, которыми нам удавалось обмениваться, сводились к тому, чтобы благодарить друг друга за оказанную любезность, например:

— Ах, мой карандаш, кажется, закатился под стол!

— Возьмите мой, пожалуйста.

— Спасибо.